

Сегодня. — 1994. — 28 апр. — с. 10.

Гергиев снова на коне

Новая постановка «Отелло» Верди в Метрополитен-Опера. Пласидо Доминго, Владимир Атлантов, Сергей Лейферкус

Нью-Йорк

Ибрахим Кураши

Нью-Йоркскому храму оперы удалось собрать такое созвездие талантов для новой постановки «Отелло», что труппа заранее могла быть уверена в сенсационном успехе. Однако такового не последовало. Всею вину за провал следует, не обинуясь, возложить на широкие плечи Илии Мошинского и Майкла Йергана, режиссера и художника, которые не отказали себе в удовольствии где можно и нельзя подправить шедлер Верди, что в результате превратилось в его (шедлера) заклятие. В новом «Отелло» — великое множество быющих мимо штрихов, в широком диапазоне от неоправданной смелости до откровенной глупости.

Спектакль (подарок Мет неблагодарному Пласидо Доминго по случаю двадцатипятилетия его службы в театре), предстан перед публикой, настроенной на экстаз, уже внешним видом вызвал мгновенное разочарование: упрощенно, дешево, убого. Да, постановка Франко Дзеффирелли, которой стукнуло бы сегодня двадцать четыре года, была прежде всего суперзрелищем, но в ней находилось достойное место и для высокой трагедии. Мошинскому такая установка показала лишней: во главу угла он положил манерность. Суровой готике, создававшей у Дзеффирелли напряженную атмосферу, Мошинский противопоставил стилизацию под барокко, не имеющую никакого отношения к драме, происходящей на сцене. Воздух трагедии заменили безвоздушным пространством кривляния.

К счастью, спектакль самовозгорелся и без режиссерского кислорода, причем сразу на двух уровнях: в оркестровой яме и на сцене. Пласидо Доминго в роли малиакально-ревнивого мавра принял зрителей до глубины. Хотя голосу уже не хватает былой мощи, чтобы развернуть начальное *Esultate* в грандиозную фреску, прежнего великоления и силы он не утратил. В партии Отелло певцу грозит форсированный звук, уводящий за рамки красоты. Доминго, однако, играл с такой произвольной самоотдачей и яркостью, что публика без труда простила ему незначительные промахи в ошеломительном дуэте мести — мавра и Яго. Особенно вынужденным оказалось для Доминго сопоставление со вторым исполнителем роли — Владимиром Атлантовым, чьи непродуманные попытки взять труднейшую партию штурмом оставили неприятный осадок от спектакля в целом. Уже в тот момент, когда г-н Атлантов появился на сцене, жесткие, сдвинутые, форсированные звуки его голоса, лишненно-

РУСЛАН НЕПРУЧ

го не только духовной мощи, но и физической силы, заставили присутствующих почесать в затылке: кажется, переди долгий и мучительный вечер. Ни одна из черт бедного мавра не вызвала ни малейшего сочувствия. Лишенный достоинства, этот Отелло казался печальным недоразумением.

Сергей Лейферкус, которого природа одарила роскошным голосом, играл партию Яго на сцене Мет впервые. Блеск вокальных достижений компенсировал мелковатость сценической трактовки. Яго, alter ego Отелло, дает ход злу, разрушающему душу Отелло до основания. Но Лейферкус пока еще не заглянул в глубины образа: его Яго слишком царствен, величав, очарователен. В роли Дездемоны Кэрл Вэнесс не хватало мягкости вокала, зато женская трогательность была налицо. Песня об иве прозвучала как гимн красоте. Рене Флеминг в той же партии проявила большое сценическое чутье, а утонченность пения позволила ей сохранить себя даже на фоне выходов Атлантова.

Если на сцене не все было гладко, то вопрос об абсолютном мастерстве оркестра не вызывает никаких сомнений. Валерий Гергиев — кропотливый перфекционист, залезающий партитуры в книжки и затем добивающийся реализации всех своих музыкантских штудий. Собранность, интенсивность чувства наделили игру оркестра колоссальной силой воздействия, мы слышали истинно вердиевские звучания с их размахом и душевной щедростью. Некоторые оркестровые детали по-новому раскрывали эту музыку в целом, взять хотя бы точно найденную фразировку струнных — паутину, сплетаемую Яго, или свегоносные звучания, сопровождающие песню об иве, — знак чистоты несчастной венецианки. Да, перед нами было дело рук двух истинных мастеров оркестра — в первую очередь, разумеется, Джузеппе Верди, но и Валерия Гергиева тоже.